

«МЫ БЫЛИ НЕПЛОХО ЗАДУМАНЫ!»

Диалог об Александре Городницком
ведут Фазиль Искандер и Дмитрий Сухарев

Д. С. Что говорит душе имя Александра Городницкого? Чем откликается она на это имя? Из сознания могут выплыть строки стихов, но я сейчас не о медлительных потугах сознания, а о стремительном ответе души. Уверен, это знакомо каждому любителю поэзии. Слышишь имя: Цветаева! — и чувственный ответ спешит всколыхнуть тебе душу, опережая словесные формулы; Пастернак! — и гамма чувств совсем иная, и замучаешься, если захочешь описать ее словами.

Я попробовал все же найти название тому интегральному чувству, которое возникает в моей душе при звуке имени Городницкого. Получилось так: радость одухотворенного единства. Неуклюже и многословно? Что делать. Но хотя бы понятно, что имеется в виду?

Ф. И. Да, я помню, как это было прекрасно. В едином порыве зал встает и поет «Атлантов».

В последнее время я часто размышляю на тему «личность и толпа». Каждый знает, что вместе со многими человек неожиданно делается смелее самого себя, свободней самого себя. Но в то же время мы знаем, что когда искра паники ударяет в толпу, человека охватывает безумный и безотчетный страх, и он в такие минуты способен на самые глупые и страшные поступки. Куда же девается личность в это время? Не позорно ли быть трусливей самого себя или, что еще хуже, храбрее самого себя за чужой счет? Где же личность и как ее сохранить? Не правда ли, огромная тема?

Но вот есть еще третья ситуация, когда мы, как в тот вечер, все безотчетно встаем и поем прекрасную песню. Я бесконечно благодарен Саше за эти незабываемые минуты. Видимо, это и есть настоящее ис-

кусство, когда мы, не теряя разума, испытываем наслаждение солидарностью. Мы вдруг понимаем, что есть нечто в нас такое, что выше каждого из нас отдельно, и это доставляет нам наслаждение гораздо более высокое, чем личные успехи, деньги, известность и тому подобное. Я бы так сказал: искусство, в данном случае хорошая песня, доказывает нам хотя бы на некоторое время, что мы природой были задуманы лучше, чем мы есть в повседневном исполнении жизнью. Конечно, это пройдет, и мы окунемся в повседневную прозаическую жизнь, но в памяти у нас все-таки останется этот праздник солидарности, это наслаждение правильным состоянием. Вспоминая это, мы иногда говорим самим себе: черт подери, ведь мы были неплохо задуманы! Но ведь если мы это понимаем, значит, еще не все потеряно, значит, не будем терять надежды!

Однако не слишком ли далеко я отошел от Городницкого, вдохновившись воспоминанием о том, как чопорный зал Центрального дома литераторов пел «Атлантов»?

Д. С. Не будем преувеличивать чопорность зала, в тот январский вечер в него пришло послушать Городницкого немало людей, привыкших к естественной среде обитания «Атлантов». Здесь важно, что братьям-писателям передался их порыв. Наверно, в «Атлантах» нам слышится ответ на общие для всех нас вопросы времени. Но это особенность не только «Атлантов», Городницкий был таким с самого начала, с первых песен.

Ф. И. Будет неплохо, если ты разовьешь эту мысль и тем продвинешь наш диалог в нужном направлении.

Д. С. Я просто вспомнил, какой подходящей для песен Го-

родницкого была почва, на которую падали эти семена. В ту пору, в середине 50-х, наблюдалась повышенная потребность в песнях геологического мироощущения. «С молотком, с рюкзаком за спиной». По крайней мере, у нас в МГУ было так. Если воспевались любовные страдания, то и в этом случае считалось необходимым, чтобы дело происходило в тундре, тайге, на худой конец, в полупустыне, и чтобы рядом со страдающим героем молчаливо стискивали зубы верные друзья. «Я смотрю на костер догорающий, пляшет розовый отблеск огня, после трудного дня спят товарищи, почему среди них нет тебя?» Художественные достоинства наших песен были скромными, но чувство вкладывалось самое живое. Было ли это только потребностью в мужестве и товариществе или сквозь геологический антураж мерещилось тогда свечение идеала?

А Городницкий совершенствовался как поэт в Ленинград-

ском горном институте, в котором заодно учился на геолога. Городницкий, и, пожалуй, только он один, сумел на этот запрос времени ответить на уровне поэзии. Хотя попытки делались многими. «Снег», «Кожаные куртки», «Деревянные города» и другие песни Городницкого, доходившие до нас безмянными, принимались в московской студенческой среде сразу, безоговорочно, благодарно, они властно освобождали нас от повинности петь собственные сочинения.

Потом, через несколько лет, явились официально-бодряческие версии геологической темы. Она оказалась опошленной и стала вызывать смех, ей на смену пришли иные.

Ф. И. Почему так трогает душу «Донской монастырь»? Чем вообще хороши стихи и песни Городницкого на исторические темы? Мы слишком долго в речливой гордыне забывали о нашей истории. Я бы сказал так: без некоторой ностальгии

по нашему культурному прошлому нет полноценного человека, нет гражданина. Гражданственность не может быть неисторичной. Чувство истории у поэта безусловно усиливает драму существования, но оно же помогает преодолеть эту драму: мы не вчера начались и потому не завтра кончимся.

Ты считаешь, что про Городницкого мы уже сказали все, что необходимо?

Д. С. Все сказать о нем не под силу. Но еще об одной детали, сугубо бардовской, хочется немного поговорить. Как ты знаешь, Городницкий поет свои стихи только под чужую гитару. Он не подыгрывает себе сам, как это делают в авторской песне другие. И в самом деле, песни Городницкого замечательно приспособлены к автономному существованию, они могут жить отдельно не только от гитары, но и от самого автора. А от песен можно отделить стихи и с удовольствием читать их по книжке. С другими бардами этот номер, как правило, не проходит. Что бы ты сказал по этому поводу?

Ф. И. Действительно, есть барды, чьи стихи невозможно читать отдельно, вне голоса исполнителя и музыки. Да и не надо! В этом нет ничего обидного для барда — он таков, такова сущность его творчества. Так и многие знаменитые и прекрасные русские романсы мало что значат как самостоятельный поэтический текст. Есть и противоположные случаи. Музыка гениального Глинки порой не дотягивает до пушкинского текста, не охватывает всех извивов его тонкости и глубины. Но все равно это прекрасно.

Хорошо, что стихи Александра Городницкого существуют и могут существовать вне вокального исполнения автора или иного певца. Их можно читать дома, слушать в концертном исполнении. В обоих случаях принцип поэтической содержательности остается в силе.

Фото В. Виноградова.

ПРОЩАНИЕ С ГОРОДОМ

Стихи и музыка А. Городницкого
в музыкальной интерпретации Ю. Визбора

Мне разлука с тобой знакома.
Как у времени ни проси,
Он горит у подъезда дома, —
Неуютный огонь такси.
Чемодан мой несут родные,
И зеленый огонь погас.
И плывут твои мостовые,
Может, нынче в последний раз.
Мне не ждать у твоих вокзалов,
Не стоять на твоих мостах:
Видно, времени было мало
Мне прижиться в этих местах.

Как приехавший, как впервые,
Отвести не могу я глаз.
И плывут твои мостовые,
Может, нынче в последний раз.
В этот век тревожный и шумный
Ненадежна шумиха встреч.
Четких улиц твоих рисунок
От распаса не убереж.
Восстановят ли их живые,
Вспоминая погибших нас?
И плывут твои мостовые,
Может, нынче в последний раз...

1965 г.

Крепость - 1988 - 202 - 28 апреля 199